

РЫБАЛОЧНАЯ НОЧЬ

Рыбалка – штука занятная, забористая. Даже, когда удочкой, а если сетями – интерес вдвойне. Некоторые скажут: браконьерничанье – поспорю. Коли сетями самых разных мастей без запрету на базаре торгуют – стало быть, дело легальное и безвредное.

Вообще-то, я не рыбак. Этой болезнью зять мой болеет, а тогда как человек он занятой, на поплавок пялиться некогда, то самое подходящее тут орудие – это уловистая боевая «трёхстенка». Всё своё хлопотное время зять вздыхает о рыбалке, на которую беспричинно круглый год рвётся его больная душа; и раза два-три за лето он решительно рубит концы опутывающих его дел для того, чтобы попытать рыбацкого счастья, подпитаться речным или, на худой конец, прудовым животворным духом свободы.

В конце апреля взял я отпуск и засобирался на дачу – вскопать, не торопясь, грядки для будущей свёклы-морковки и прочих фруктов. А дача та, товарищи, расположена в местах райских – в Эдеме, считай. Это я всем так говорю, потому что – правда.

Участочек прильнул к берегу камышистого озера: над садовым столиком и скамеечками – навес, рядом – печка-мазанка с крейсерной трубой, за печкой – вода покачивает разные кувшинки с лилиями. Есть, конечно, и домишко с ровными углами да чайной верандой – не хуже, чем у людей. А тамошний труд – сплошной отдых. Покопаешься в чернозёме и блаженствуй в дырчатом гамаке – свежестью с озера веет, лягушьи переक्ваки баюкают, поверху ракиты интимно шушукуются... Никаким другим не видится мне дачный рай!

Только, значит, я собрался и вдруг узнаю, что зять выскреб у своего начальства долгожданный рыбалочный день и направить колёса своего авто думает не куда-нибудь на Моховицу или, скажем, Зушу, а прямёхонько на дачный наш водоём. Чего ж мне тогда трястись электричкой?

День ушёл на приготовления – надо ведь собрать в кучу снасти, снедь, собаку охотничьей породы и двоих комично экипированных зятевых знакомцев. А и правда, не ехать же на рыбалку без хорошей компании. Тут надо заметить, что зять мой – недавно бывший работник кое-каких нешуточных органов, а значит, и сорибальники ответственные – начмед этих самых органов со смешной фамилией Полтарашкин и ещё военный, Эдик.

Короче, загрузили в багажник зятевой «Нивы» водки-пива и приехали на дачу к вечеру.

Зять, понятно, бегом к берегу – лодку надувает, сети расправляет. Уплыл.

– Хо-хо-хо! – восхищаясь, ходит по участку толстенький доктор Полтарашкин, затянутый в новенький камуфляж.

– Ох-ох-ох, – вздыхает сутулый, как вопросительный знак, Эдик, поддёргивая над несуществующей грязью отутюженные модные брюки.

Полтарашкина восхищает всё: и аккуратный, взрыхлённый лопатой под зиму огород, и обнажённая близость воды, и ровнёнький дачный домик. Особо умиляется, глядя на недостроенный прошлым летом кирпичный нужник округлой формы и водосточную трубу, собранную из разноцветных пластиковых бутылок, вставленных одна в другую – плоды изобретательского таланта отца.

Начмед живо интересуется:

– Сколько соток участок?

– Было шесть, – говорю. – Вёсен пять на метр-два забор относили да берег от кустов подчистили – теперь все двенадцать будут.

– В дом-то лазят, воруют?

– А как же, – говорю, – каждую зиму наведываются. Дверь уж теперь не закрываем – надоело замки менять.

Зять уже сети раскинул, гребёт назад.

– Саня, я тоже хочу покататься! – кричит ему с берега Полтарашкин.

– Вон дедова лодка в кустах – бери и катайся, – заранее не доверяя приятелю, отвечает зять. – К сетям не плавай – порвёшь.

Начмед медведем лезет в прибрежный раakitник, вытаскивать плоскодонку, ловко свёрнутую отцом из оцинкованного листа заместо украденной в прошлую зиму покупной, алюминиевой. Суетливо усаживается, отчаливает под неодобрительное хмыканье Эдика.

Метрах в пяти от берега лодки встречаются. Возбуждённый коротким катаньем Полтарашкин, не может сидеть спокойно, ёрзает, подсакивает и тут же опрокидывается вместе с лодкой. Волной от потерпевшего крушение отшвыривает зятю «резинку», и Полтарашкин остаётся утопать в беспомощности. Не утоп. Тут ещё мелко – стоит по грудь в воде с одиноким веслом в руках и ругливо орёт.

Пока зять отыскивает другое весло и буксирует к берегу перевёрнутую посудину, мы с Эдиком вынимаем на сушу мокрого доктора.

– А вода-то холодная, – удивлённо заявляет он. Ещё бы, апрель месяц!

Зятев пёс Чип смотрит на нас как на законченных дураков. В воду он заходил – помочил пятки – и теперь не понимает, как можно добровольно нырять в такую стужу.

Полтарашкин канючит водки, но ему не дают. Покуда нет ухи – нет и водки. Пиво – пожалуйста. Доктор согласен и на пиво...

Ночи уже тёплые, почти майские. Втроём – начмед, собака и я – колдуем возле печки. Обязанности распределены: Полтарашкин отвечает за уху, я – за печку, Чип присматривает за нами обоими.

С озера, с наступлением темноты ставшего чёрной бездонной ямой, долетают вёсельные шлепки и приглушённый говор. Это зять с Эдиком выбирают из сетей рыбу. Как они это делают в чернильной тьме – загадка.

У нас, на берегу, светлее. Под навесом горит лампочка в полторы сотни свечей, но и она кажется слабой, потерянной в огромной апрельской ночи.

Кастрюля на печке сыто булькает, постанывает от жара.

– Эх, без ерша не та ушица, – сожалительно вздыхает доктор, ложкой выуживая из кастрюли плотвичек и карасей первого улова. Но, как человек не злобредный, тут же мирится: – Ладно, сойдёт и такая.

– Сойдёт, – соглашаюсь я.

В кастрюлю увесисто плюхается целиковая, не очищенная луковица, с возмущённым шипом сыплется пшёнка.

Не решаясь приблизиться к горючей печке, позади нас топчется Чип – вислые уши подрагивают, нос в чуткости морщится. Вскоре и ему находится забава. Невесть откуда взявшиеся в апреле, не долетевшие ещё до своего месяца, а потому маленько чумные, на нашу лампочку начинают пикировать майские жуки. Много жуков! Проскочив лампочку, они лупятся бестолковыми лбами в большой овальный таз, висящий на раkitном стволе. Цинковое днище гудит от частых ударов, беспамятные жуки толпой валятся на землю, где ими очень интересуется собака. Чип по лошадиному фыркает, обнюхивая взбрыкивающих лапками насекомых, хватает их зубами и, мотая головой, с чихом разбрасывает по сторонам. Таз отражает атаки всё новых и новых оголтелых в своей твердолобости эскадрилий.

Уха почти готова. Почти – это значит, что не хватает главного компонента. Полтарашкин резво бежит под навес, с хрустом скручивает голову поллитровке, и добрые двести граммов огненного напитка оказываются в нашем вареве.

Тут уже и начмед начинает вздрагивать ноздрями и беспокойно вглядываться во тьму.

– Саня, где вы? У нас уже всё готово! – пугаясь собственного ночного голоса, кричит он в глубины озера. Не дождавшись ответа, дублирует ещё громче: – Эдик!..

– Чего орёшь? – ворчливым шёпотом где-то рядом откликается невидимый Эдик. – Здесь мы.

Однако ждать приходится ещё не меньше получаса. Чип, войдя во вкус, уже вовсю хрустит майскими жуками. Полтарашкин, откупоривший очередную бутылку пива, развлекает меня байками из серии «А ещё был в моей практике случай...» Слушать его интересно – практика у начмеда богатая, но интересней мне всё же смотреть, как в распахнутом зеве печи медленно умирают чёрно-рубиновые угольки...

Улов хорош! Для наглядности он вываливается в таз, так полюбившийся жукам. Полуметровая щука ведёт себя индифферентно, будто в неловкости от окружения – десятка истерично бьющих хвостами почти килограммовых карасей. Она изредка позёвываает, показывая, что ещё жива, но смертельно устала, и будь у неё веки, с удовольствием закрыла бы глаза.

Вдруг щука взмётывается, всеми своими несчётными зубами-иголками целясь в Эдика, склонившегося над тазом. От неожиданности Эдик нелепо садится мимо скамейки, но тут же реагирует адекватно, по-военному: пружинно вскочив, принимает молотить извивающуюся рыбину ногами. Едва удаётся оттащить...

– Уха совсем простыла, – суетится доктор. – Подставляйте, подставляйте миски...

– Водку лучше всего из алюминиевой кружки пить, – после щучиной атаки Эдик становится необычайно разговорчивым. – Слышь, булькает смачно как? Из стаканов тоже куда ни шло, а вот чашки эти, чайные, ты убери – не дело это, бульки не те...

Эдик разливает – к сожалению, алюминиевая кружка нашлась только одна – со знанием дела.

– Майор, а ты спец! – хвалит его Полтарашкин.

Духовитая уха улетаёт за один присест.

– Удалась, – будто удивлённо заключает начмед.

Закуски ещё полно: дощатый стол завален крупно нарезанными кругляшами колбасы, ломтями сала, вспоротыми консервными банками. Сверху натюрморт припорошен листьями салата и мохнатой петрушкой.

Чип, пристроив скуластую морду на лавку, исподлобья следит за всеми сразу и вздыхает тайно. Кормить собаку может только хозяин. Чип это понимает и провожает поглощаемую нами еду не жадными, а лишь по-собачьи тоскливыми коричневыми глазами.

Главный говорун теперь Эдик, забивает даже балагуристого Полтарашкина. Зять у меня вообще молчун, попусту трепаться не станет, а я в их компании всё же немного чужой.

Майор, слегка уже хмельной, напористо травит армейские байки, то и дело перебивая сам себя и возвращаясь к наглой выходке «стервы зубастой».

– Надо же, как она... исподтишка!.. – обиженно вскрикивает он и с ненавистью смотрит в сторону таза.

Зять снова отбывает на добычу рыбы – за ночь он проверит сети ещё пять-шесть раз. Полтарашкин с Эдиком остаются под навесом. За бутылкой-другой есть о чём поболтать и с посторонним, чего уж говорить о старых друзьях.

Мне назавтра копать огород, потому собираюсь в дом – спать.

Бархатная ночь деловито мерцает звёздами, откуда-то сбоку вываливается заспанная луна. Всё намекает на ясный завтрашний день. И хорошо.

Чип провожает меня до лестницы, ведущей на веранду, и, кивнув большой своей башкой, будто пожелав спокойной ночи, трусит обратно к берегу...

Просыпаюсь я от близкого треска. Ночь уже умирает. Щёлкнув ночником, вижу Эдика. Майор стоит посреди комнаты, раскачиваясь с весьма приличной амплитудой, в руках у него дверная створка, которая должна висеть... вон там, где висит теперь одиноко другая...

Эдик криво жмёт плечами, виновато улыбается. Вопросов не задаю – вижу, что говорить он временно не умеет. Выбираюсь из цепких объятий спального мешка и отбираю у Эдика дверь. Лишённый опоры, он с тихим хрюком валится на постель. Остаётся прикрыть истомлённое тело бушлатом.

А на дворе уже светает. На берегу из-под навеса бестолково пялится в утренний сумрак ненужная уже лампочка. Под столом, прикрыв лапами морду, спит Чип. На лавочке лицами к озеру застыли две фигуры. Они молча подвигаются, освобождая место и мне. Сидим втроём плечо к плечу, не в силах оторвать глаз от молодого солнца, медленно выкарабкивающегося из цепких ветвей деревьев на том берегу. Тюлевая шторка тумана растворяется, рваными краями сползает в недвижную воду.

В этот момент жизнь замирает, кажется, на всей земле.

Смотрю украдкой на лица моих товарищей. Двое взрослых, грубых мужиков, успевших побывать на войне и попробовать на вкус всё самое отвратительное, что есть в этом мире, сейчас глядят на рождение дня с поистине детским изумлением. Они сами заново рождаются в этот миг. Они снова чисты, наивны и беззащитны...

Не для того ли и нужны им эти редкие рыбалочные ночи?